

ЖИЗНЬ

НРАВЫ

ОБЫЧАИ

Евгений Марков

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

На Восток! (Вече)

Евгений Марков

**Путешествие по Святой
земле. Жизнь, нравы, обычаи**

«ВЕЧЕ»

1891

УДК 910.4
ББК 26.8г

Марков Е. Л.

Путешествие по Святой земле. Жизнь, нравы, обычаи /
Е. Л. Марков — «ВЕЧЕ», 1891 — (На Восток! (Вече))

ISBN 978-5-4484-6019-7

Святая земля, древняя территория Иудеи и Палестины, на протяжении веков была местом пересечения культур, средоточием памятников библейской истории и Ветхого, и Нового Заветов. На этой небольшой территории пересекались интересы множества государств, сюда стремились приверженцы разных религий. Так было, так остается сегодня. Но еще в XIX в. здесь почти повсеместно сохранялся уклад, мало отличавшийся от того, что царил тысячелетия ранее. Взгляните на Иерусалим, Назарет, Вифлеем и израильские пустыни глазами русского путешественника тех лет — искренне верующего, наблюдательного, но порою и весьма критично настроенного. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910.4

ББК 26.8г

ISBN 978-5-4484-6019-7

© Марков Е. Л., 1891

© ВЕЧЕ, 1891

Содержание

Часть I	6
I. Допотопный город	6
II. Ночлег в Аримафее	15
III. В стране филистимлян	31
IV. У Святого Гроба	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Марков
Путешествие по Святой
земле. Жизнь, нравы, обычаи

Серия «На Восток!»

© Ермаков С.Э., предисловие, 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

Часть I

Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии

I. Допотопный город

Пристань Св. земли. – Соломон и пророк Иона. – Шхеры. – Приют православных паломников. – Память Средних веков. – Базары Яффы. – Арабская толпа. – Наполеон в Яффе. – Ругня арабских матрон.

На рассвете 30 апреля показался вдали берег Яффы...

Главная цель нашего странствования теперь достигнута, окончено долгое скитание по морям, и ничто больше не заслоняет от нас так давно манивших нас поэтических горизонтов Св. земли.

Мы радовались как дети, любуясь с высокой рубки на белый амфитеатр Яффы, с волшебной быстротой выраставший в наших глазах от незримо быстрого плавного приближения к нему парохода. Вопреки всем предсказаниям и всем опасениям, море стало тихо, как уснувшее озеро. Неподвижная голубизна этого моря и такая же глубокая голубизна неба выделяли белые башни яффских плоскокрыших домов и обрывы береговых утесов с поразительной яркостью...

Яффа недаром называлась «прекрасною» еще в ветхозаветной древности.

Это достойная пристань Св. земли, заслуженный страж исторических ворот, через которые прошли тысячелетия.

На земном шаре нет другого города, которого легенды народов почтили бы такую старинной родословной.

Евреи издревле считали Яффу городом Иафета, сына Ноева, и полагали, что Ноев ковчег отплыл из его пристани в разверзшиеся хляби земли...

Даже Плиний, патриарх естествознания, признает допотопный титул за Яффою, этою его *Ioppe Phoenicum, antiquior terrarum inundatione*¹. Оттого в старые века искали в Яффе гробницы Ноя. Фантазия древних греков, конечно, тоже не миновала этого древнейшего из всех городов мира. К скалам финикийской Яфо или Иоппе, как рассказывает Плиний, была прикована по злобе nereид осужденная морскому чудовищу Андромеда, спасенная потом Персеем; и следы ее цепей показывались на утесе Яффы еще в первые времена христианства.

Во всяком случае во дни Соломона Яффа была единственною пристанью филистимского побережья, через которую народ Божий мог сообщаться по морю с чужими странами. Когда премудрый строитель послал просить на постройку храма Иерусалимского кедров ливанских у тирского царя Хирама, друга отца его Давида, то Хирам отвечал:

«Мы нарубим дерев с Ливана, сколько нужно тебе, и пригоним их в плотах по морю в Яффу, а ты отвезешь их в Иерусалим».

Впоследствии пророк Иона садится в Яффе на тот корабль, с которого его бросили в море. «И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Ионию, и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него...»

¹ Яффа финикийян, древнейшая Всемирного потопа.

Слава Богу Авраама и Иакова, что нам теперь не приходится подвергать себя злополучному жребию пророка, не приходится вопить с ним к Господу: «Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита голова моя, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною».

Вместо чрева китова извергла нас на сушу ловкая восьмивесельная лодка, в которой встретил нас бравый консульский кавас с серебряным орлом на груди, любезно посланный к нам на помощь из русского консульства.

Благодаря этому участию мы избежали жаркой схватки с лодочниками-арабами, взявшими на abordаж наш смиренный пароход совершенно так, как недавно еще пираты Средиземного моря брали с бою купеческие корабли, и отделались всего пятью франками за проезд, в то время как три молодых итальянца, наши товарищи по путешествию, должны были заплатить 25 франков.

Вид Яффы с морского берега. Фото 1866–1867 гг.

Обычных сцен яффской высадки, о которой нам так много натоковали наши милые моряки, этого швыряния за борт на руки полуголых арабов охающих и ахающих богомолок, раскачиваемых как колокола, этого ныряния в волнах по горло нагруженных лодок, ничего

этого на сей раз не было... Огромный пароход стоял неподвижно, и арабские лодки пристали вплотную к его черному пузу, как присосавшиеся пиявки... Зато тихое море позволило нам оценить по достоинству ужасный вход в знаменитую гавань царя Соломона.

Предательские подводные камни, черные от сырости, обросшие как бороною лохматою зеленью, чуть-чуть спрятавшие свои плоские черепа под уровень вод, тянутся целыми сплошными рифами вдоль скалистого берега, отрезая его от простора моря, точно приточившиеся червивые зубы дряхлого подводного чудовища, что глотаёт уже какой век утлые посудины дерзкого человечества.

Пробраться сквозь эти шхеры в бурю нет никакой возможности, и нередко пароходы, после нескольких дней напрасного выжидания, снимаются с якорей и отправляются выгружать пассажиров куда-нибудь в Акру или Бейрут. Хуже порта выдумать нельзя, и тем изумительнее, если это действительно древнейший порт мира. Немцы говорят: «ехать в Яффу» в таком смысле, в каком у нас говорят: «отправляться на тот свет». Одни эти каменные рифы знают, сколько человеческих жертв ежегодно, в течение столетий, приносится Яффскому морю, и библейская легенда весьма знаменательно связала эту пристань вечного волнения и вечных бурь с поглощением морем Ионы-пророка.

Непонятно только, как цивилизованные народы Европы, посылающие каждую зиму тысячи богомольцев рисковать своими головами у этой действительно «допотопной» гавани, не догадываются взорвать всю эту узенькую цепь камней и затратою нескольких пудов пороха, нескольких фунтов динамита спасти жизнь сотням своих братьев.

Исправляющий должность русского консула встретил нас на пристани и оказал нам всякое содействие. Мы остановились отдохнуть в Русском доме, но еще на дороге консул нашел нам колониста-немца с обычным четырехместным фургоном на рессорах – 35 франков за двоих да Иерусалима... К нам присоседился и француз-архитектор, с которым мы сделали путь по Суэцкому каналу. Выезжать можно было только к вечеру, когда солнечный зной начинает немного ослабевать. Поэтому нам оставалось довольно времени и поесть, и посмотреть город. Дом-башня, куда вскарабкались мы с нашими носильщиками и пожитками, как все дома Яффы, заключает внутри себя крошечный мощеный дворик с чахлым деревцом в углу. Этот дворик-яма охватывается кругом довольно неуклюжей и крутой каменной лестницей, которая поднимается до площадок каждого из трех, четырех этажей.

Иерусалим. Вид на Дамаскские ворота. 1860-е гг.

На площадки эти выходят двери бедно обставленных полутемных комнат, низеньких, хотя и обширных, совершенно приуроченных к знойному дню весны и лета, но, должно быть, достаточно сырых и холодных в период дождей.

Заказали сейчас же готовить обед и чай с самоваром хозяину, не говорившему ни слова по-русски, а сами, наскоро оправившись, торопились обозревать город, решившись волей-неволей не обращать никакого внимания на солнечный зной.

Чего другого, а уж солнца не обмнешь и не обманешь в горячей Палестине.

Консульский кавас был нашим путеводителем, и мы добросовестно пересчитали вслед за ним камни яффских мостовых, обливаясь с ног до головы таким потом, о котором имеют понятие только старинные любители паренья на полках российской бани. Не помогали ни шляпы, ни кисейные покрывала. Яффа – это один огромный неприступный замок с множеством бойниц, лазеек, переходцев, тайников, переулочков, город-крепость, какой и требовался в века борьбы и насилий на этой береговой скале, защищавшей входы в цветущие долины Палестины. В сущности, тут давно нет ни крепости, ни бойниц, но древний боевой городок и в мирном звании своем сохранил воинственную физиономию своей старой средневековой истории.

В Средние века это был действительно один из главных ключей для владычества над берегом и внутренностью страны.

За него жарко бились крестоносцы Ричарда Львиное Сердце с сарацинами Саладина; к нему приставали смелые галеры генуэзцев и пизанцев, и над башнями его не одно десятилетие веяли знамена геройских рыцарей христианства.

В последний Крестовый поход, когда французский король Людовик IX высадился в Яффе, она была еще в руках французского владетеля Готье де Бриенна и имела вид довольно внушительный.

«И когда граф Яффский узнал о приближении короля, – повествует в своей хронике Жуанвиль, – он укрепил свой замок Яффу до такой степени, что тот стал похож на хорошее укрепление. Ибо на каждой стене его замка стояли по пятьсот человек, каждый со щитом и выпелом с его гербом».

Теперешняя Яффа построена, однако, всего только лет 150 тому назад; путешественники, посещавшие ее в конце XVII века, видели одни развалины. Жители прятались в пещерах, и единственный уцелевший замок стоял среди всеобщего разрушения. Но и до сих пор ползучие и выющиеся переулки Яффы полны если не разрушения, то мусора и нечистот всякого рода. Бродишь словно по коридорам какого-нибудь давно запущенного бесконечного замка, ныряя под темные своды, прячась в разные закоулки, карабкаясь по ступенькам. Думаешь, ход на колокольню, а это улица; кажется, что под ногами открылся спуск в погреб, а это вход в отель. Целый лабиринт поворотов, переходов, лесенок. Защищаться тут легко одному против десяти, и нужно сказать правду, что для этих двух первенствующих целей старого строительства, для защиты от врага и для прохлады от солнца береговые городки, подобные Яффе, идеальные городки.

И во всех этих тесных ущельях между стенами толпа, движение, толкотня. Толкотня начинается еще с пристани, где горами навалены друг на друга ящики с опоздавшими апельсинами, назначенными в Россию, овчины для Константинополя, мыло для Александрии в гигантских глыбах, красный и белый рис в тюках. Огромные барки, придвинутые к берегу, завалены грудами апельсинов прямо внасыпку, как волжские барки с дровами.

Вид Яффы с морского берега. 1870-е гг.

На жарком солнце южного полудня они горят каким-то невероятно прелестным румяно-золотым огнем.

От апельсинов тут деться некуда. Все базары, все лавки в апельсинах; они тут не особенно нежны и толстокожи, но зато громадной величины и неправдоподобной дешевизны. На 15 копеек кавас навязал нам целый узел этих гесперидских плодов. Арабы едят тут апельсины и лимоны прямо со шкурками, отрезывая ножичком ломтики и легонько их посаливая. И ни

одна губастая рожа не моргнет, не покривится, спокойно жуя кислятину полужелтого лимона и душистую горечь апельсиновой корки.

На базарах жизнь кипятком кипит. Все кофейни, кухоньки, лавки набиты народом. У нас, в России, чуть пробивается теперь первая весенняя травка, а здесь уже давно всякие свежие овощи: горох в стручках, фасоль, огурцы, семечки. Над базарами везде растянуты широчайшие, хотя и очень грязные, тенты, под которыми благодушествуют философски молчаливые продавцы этого нехитрого товара. Ослы, верблюды, мулы толкуются тут же, и сирийские бедуины, совсем отличные от египетских, оживляют всю эту шумную и яркую картину подлинной азиатской жизни, как олицетворенная иллюстрация к Библии.

Широкий живописный бурнус из грубой домашней шерсти, в который они умеют драпироваться с таким мужественным и величественным изяществом, всегда в широчайших черных или зелено-коричневых полосах по белому фону.

Но под этими изрядно теплыми плащами, несмотря на сильный жар дня, еще полосатый шелковый халат по пятки, открытый на груди, под халатом еще синяя курточка-безрукавка, под курточкой еще длинная белая рубаха, с широчайшими поясами, с штанами, падающими как женская юбка по самым ступням. Так тщательно оберегают себя от холода эти сыны знойных песчаных пустынь и обожженных солнцем гор Сирии. На некоторых степных посетителях базара еще попадались нам даже бараньи куртки. Днем расстегнется весь настежь, догола, обливается потом, а на ночь уже его не проберет никакая сырая и холодная струя горного ущелья.

Типичен и сурово красив головной убор сирийского бедуина. Все они плотно обвязаны по своим круглым, будто точеным, головам черными, реже темно-синими платками, которые здесь называются куфия и которые перехватываются сейчас выше уха, будто каким-то мрачным венцом, двойным обручем черной веревки. Края этой просторной куфии закрывают шею и шатром приоседают глаза и лицо бедуина.

Без сплошного густого покрова никакая голова, даже все выносящая голова туземца, не в силах вытерпеть жгучих лучей сирийского и аравийского солнца.

Рынок в Яффо. Фото конца 1860-х гг.

Впрочем, кроме суровых воинственных плащей аравийского кочевника, базары Яффы полны чисто турецких нарядов – короткие хитоны и куртки, затейливо расшитые позументами и золотым шнурком по желтому и красному, хитро увязанные, воздымающиеся башней тюрбаны из ярких материй, с висячими концами с блестящей бахромой, сейчас выдают щеголеватых гостей роскошного малоазиатского побережья.

Женщины и тут, как в Египте, в белых саванах, коленкорových или кисейных с золотом. Черные, подлинно арабские лица с поразительной резкостью, совсем непривычной для европейского глаза, выделяются, будто губастые обезьяны, из-под этих белоснежных покровов. Иные, Впрочем, должно быть угрюмые пуристки мусульманства, совсем с глазами завешаны черными слепыми чадрами. Есть и по-египетски – с висюльками у носа, с завешанными ртами, но вдобавок с монистами и бисером на лице. Христианки не закрывают лица; их обычный убор – это цветные шапочки, унизанные в несколько рядов серебряными монетами, очень похожие на шапочки горских женщин нашего Дагестана.

Есть вообще чем полюбоваться, над чем поработать живописцу, хоть живи он тут в Яффе целые месяцы.

Восточный базар – это неисчерпаемый клад для карандаша и кисти, и никакой базар Европы не может даже близко подойти к нему в этом отношении. Базары – истые детища Востока, и понять их настоящий смысл, настоящую красоту можно только там.

Мы посетили мимоходом католический монастырь Яффы, в котором дают приют богомольцам-католикам. Он такой же крутой, такой же недоступный, такой же башнеподобный, как и всякое жилище Яффы.

Уверяют, что недалеко от него, во дворе армянского монастыря, происходило то позорное для христианской цивилизации событие, которое с таким пристрастным усердием стара-

ется опровергнуть обожатель Наполеона Тьер в своей «Истории консульства». Здесь, говорят, были отравлены, по приказанию первого консула, заболевшие чумой французские солдаты, которых он не мог захватить с собою в Египет.

«Было бы гораздо гуманнее дать им хорошую дозу опиума, чем оставлять их жить!» – сказал Бонапарт доктору Деженету.

«Мое ремесло – лечить людей, но не убивать их!» – ответил бравый доктор.

Тьер уверяет, что вследствие этого ответа опиума больным не дали, а клевету об отраве распространили потом враги Бонапарта. Но Яффа легла черным и кровавым пятном на славу французского героя еще и по другому, гораздо более возмутительному, случаю.

В 1799 году победитель при пирамидах овладел после жестокой двухгодичной защиты Яффской крепостью. Город отдан был на 30 часов в жертву разъяренным солдатам. Между тем тысячи четыре арнаутов и албанцев, засевши в укрепленных зданиях города, не хотели сдаваться и отчаянно отстреливались. Богарне и Круатье, адъютанты консула, чтобы прекратить напрасное кровопролитие, предложили храбрецам сдаться, поклявшись пощадить их жизнь.

Тогда турки положили оружие и отдались на милосердие врагов, но победоносный герой недаром смотрел на людей как на пешки шахматной доски. Толпа пленников связывала его по рукам и ногам. Не с кем было ни отправить, ни оставить их, а еще меньше возможно было отпустить их на подкрепление без того крепкой Акры. Через три дня участь несчастных была решена. Их собрали обманом на берегу моря под предлогом перевозки и расстреляли, как стадо грачей. Некоторые из пленных успели броситься в воду и спаслись на камнях, на лодки. Но их опять приманили оттуда обещанием пощады и перестреляли до последнего среди волн моря, когда они доверчиво возвращались на берег.

«Эта свирепая сцена заставляет меня до сих пор содрогаться при воспоминании о ней, как и в тот день, когда я ее видел, и я бы гораздо лучше желал навсегда забыть ее, чем быть обязанным ее описывать», – выражается об этой вероломной казни один из очевидцев.

Чума, которая выхватила тотчас после этого несколько сот человек из армии Наполеона, казалась тогда всем только неизбежным Божиим наказанием за бесчеловечно пролитую кровь.

Католики не преминули сообщить нам, что монастырь их, разумеется, стоит на самом том месте, где когда-то был дом Симона Кожевника, в котором жил и творил чудеса верховный апостол Петр.

Вероятно, у апостольского кожевника было в то время очень много домов, потому что ту же самую претензию заявляют не только монастыри других христиан, но и одна турецкая мечеть!

Мы не застали в монастыре своего спутника-француза, которого хотели предупредить о часе отъезда, и возвратились домой пообедать и немножко собраться с силами к утомительному путешествию.

Дома нас угостили не только обедом и русским чаем и не только палестинским вином и яффскими плодами, но еще очень оригинальным дуэтом. Против нашего открытого окна, через узенький переулок в два шага, стояли на крытой галерее противоположного дома две совсем молодые арабки и ругались между собою. Одна из них, защищавшаяся, была красивая и статная женщина, другая, нападавшая, худая, злая фурия с длинными крючковатыми руками обезьяны, которыми она махала, как ведьма кочергой. На сцене была, по-видимому, супружеская ревность.

Мы ждали довольно долго обеда – арабки наши ругались, мы еще дольше обедали – они все ругались; мы отдыхали целый час после обеда – они не переставали ругаться.

В жизнь свою я не слыхал и не предполагал услышать ничего подобного.

Я хорошо знаком с ругательствами русских баб у печи, русских торговки на базаре... Но сравнительно с этою неистовою, ни на миг не смолкавшею, непрерывно разраставшеюся,

неудержимо остервенявшейся ругней арабских женщин русская базарная ругань – просто сентиментальное воркованье.

Казалось, это собрались на платонический турнир, для безмездного услаждения нас, гостей и толпы остановившихся внизу туземных прохожих, настоящие виртуозки своего дела.

Ни одна не захотела уступить другой ни мгновенной паузы, ни одного словечка из тех несчетных ругательств, что сыпались быстро и больно, как тучи града, на голову противницы. Мы, конечно, не понимали слов, но это было совершенно излишне. Злобные завывания и торопливые захлебывания собственным бешенством поясняли нашей неопытности, лучше всякого лексикона, содержание этой оживленной беседы двух подруг, как некогда грубым сердцам средневековых германцев была без слов понятна воодушевленная французская проповедь святого Бернарда.

II. Ночлег в Аримафее

Палестинские дилижансы. – Сады Армиды. – Саровская равнина. – За родным самоваром. – Родина Егорья Победоносца. – Исторические памятники Рамле. В гостях у патриарха. – Церковная политика иерусалимских греков.

Вот мы и уселись наконец в толкучий и трясучий фургон, осененный каким-то паланкином на столбиках, с парусинными передвижными занавесами по сторонам. Хотя он и рессорный, но какие рессоры спасут от этого хаоса битых камней, величаемых здесь шоссейною дорогою?

Наш француз-спутник, *architecte ingénieur*, поместился на переднем сиденье, лицом к нам, спиною к вознице. Чемоданы и мешки наши тоже нашли довольно удобноеместилище в этом преемнике Ноева ковчега, с оглушительным стуком и громом вывозившем нас наконец из Ноева города.

Душа моя замирала от радостного чувства, точно в те далекие дни детства, когда, освободившись от постылых уроков, вырвавшись из прискучивших стен казенной школы, прыгал наконец весь сияющий детским счастьем, в объемистое нутро домашнего тарантаса, готового везти сейчас тебя и таких же радостных братьев твоих – в родимые деревенское поля. Странствование по Палестине начиналось.

Из Яффы выехать недолго, но из садов яффских не скоро выберешься. Они тянутся на несколько верст по Иерусалимской дороге и вглубь полей. В одном из садов, кажется, принадлежащем теперь американскому консулу, дом библейской Тавифы, которую, по словам Деяний апостолов, воскресил апостол Петр; конечно, не дом, а одно имя этого дома, пережившее камни и царства.

Если вы хотите понять, что такое мечталось фантазии древнего грека, когда он описывал роскошные гесперидские сады, из которых Атлант принес Геркулесу драгоценные, никому не доступные плоды, если хотите найти подтверждение всем вообще сказкам младенчествующих народов о золотых яблоках, которые с такими смертельными опасностями и такими неслыханными подвигами добывали герои, подобные Ивану-царевичу, то поезжайте, читатель, в Яффу, и убедитесь своими глазами, что золотые яблоки садов гесперидских – не поэтическая мечта, а осязаемая действительность, доступная в наше демократическое время не только царевичам и полубогам, но и нам, прозаическим смертным из Щигровского уезда Курской губернии.

Я видел апельсиновые сады Италии, и они далеко не произвели на меня того впечатления, как сады Яффы.

В Италии апельсиновое дерево смотрится чем-то искусственным, механически правильным, едва не мертвенным. Все деревья одного умеренного роста, все подрезаны и подстрижены опрятными округленными кронами, все на одинаковом расстоянии друг от друга и похожи друг на друга как капли воды, – и земля среди их вскопана, как в цветном горшке, и плоды, осыпающие крону, распределены так ровно и правильно, словно рука расчетливого садовника приклеила каждый апельсин и каждый лимон туда именно, где ему быть надлежит, и в таком именно числе, в каком они требуются. Это не толпы живых разнообразных деревьев, а роты и полки каких-то деревьев-солдат, геометрически выстроенных, строго дисциплинированных. Ничего подобного нет в азиатской Яффе. Целые сплошные леса деревьев всевозможного роста, всевозможной густоты, всевозможных тонов и форм, провожают по обе стороны нашу узенькую каменистую дорогу. Среди этой необозримой роскошной зелени горят золотыми шайками, огненными звездами, кровавыми букетами, яблоки громадных цитронов, лимонов, апельсинов, цветы гранатника, иудейской акации, олеандра. Эти неохватные райские сады огорожены от дороги очень своеобразным забором: на многие версты тянутся с обеих сторон непрони-

паемые чащи плоского, дощатого кактуса. Кто не видал этого кактуса здесь, в Палестине, не может себе представить ничего подобного.

Словно гигантские зеленые лапы каких-нибудь сказочных великанов с растопыренными гигантскими пальцами, торчат они тесными рядами из каменистой земли, ревниво заслоняя собою соблазнительные сказочные сады, горящие своими золотыми яблоками; и на этих громадных уродливых пальцах выросли, выперли наружу и переплелись друг с другом в замысловатую нераспутываемую плетеницу другие бесчисленные пальцы, безобразно вздутые и расплюснутые, кривые, колючие, в свою очередь со всех сторон ошетилившиеся зелеными наростами, усатыми бородавками, молодыми зачатками нового, еще более бесчисленного, поколения таких же дощатых, таких же рогатых, таких же во все стороны выпяченных и растопыренных пальцев.

Рынок у Яффских ворот в Иерусалиме. Фото конца 1860-х гг.

Когда взглянешь вдоль дороги вперед на эту длинную перспективу сверкающих огнем и золотом садов, и этот оригинальный тропический забор вырежет на безоблачном фоне палестинского неба свои уродливо вычурные лапы, а за ним и над ним вырисуются на той же глубокой знойной синеве изящные силуэты одиноких пальм с их высоко поднятыми в небо букетами перистых листьев, отделяющиеся над густой массой садов, словно тонкие минареты мечетей над низменной толпой человеческих жилищ, – тогда постигнешь смысл тех недоступных армидиных садов, волшебное очарование которых, по следам трубадуров-крестоносцев, воспел Торквато Тассо.

Если бы не знал наверное, что кактус распространился по берегам Африки и Сирии уже после открытия Америки, то можно было бы без труда предположить, что заколдованные леса Палестины, ужасавшие паладинов Готфрида, охранялись именно этими уродливыми рогатыми

чудищами и что напоминавшее лес огненное пламя, в которое так доблестно ринулся Танкред, было не что иное, как пылающие огненным румянцем золотые яблоки Яффы.

В тени этих садов Армиды – группы и сцены, целиком переносящие фантазию уже не в века Танкреда, а в заслоненную тысячелетиями древность Библии.

Старинные полуразрушенные фонтаны, увенчанные кубанями каменных куполов, освященные памятью православных арабских шейхов, которые похоронены под теми же мшистыми сводами и которых имя несомненно легло поверх других, гораздо более древних и более славных имен, ютятся в заманчивых сеньях зелени, под утесами холмов. Около них – движение, жизнь, яркие краски.

Пестрые толпы арабских водоносцев, с громадными кувшинами на головах, в тех же одеждах, в тех же позах, с тою же формою кувшина, какие были во дни Рахили и Лавана; отдыхающие всадники – арабы библейского вида, библейской важности, библейские овцы, ожидающие своей очереди с тем же покорным терпением, как и в то далекое время, когда еще юный Иаков, хитроумный отец еврейства, опускал для них в воду колодца полосатые жезлы, чтобы провести своего прижимистого тестя.

По дороге народ на всяком шагу; старые арабки в своих неизменных синих плащах, с ношами на голове, молодые – с красными и синими полосами; бедуины на верблюдах, на ослах, целыми обозами, как извозчики повозки с товаром на русских больших дорогах. А вдали, как общий фон всей этой библейской картины, туманно-голубые Иудейские горы, на которые смотрели еще Авраам и Ной.

Плодоносная Саронская равнина стелется от подножия Иудейских и Самарийских гор до самого моря.

Мы теперь прорезаем самую южную и самую широкую часть ее, когда-то составлявшую владение колена Иудина и Данова. Налево далекие амфитеатры Самарийских предгорий Ефраимова жребия, усеянные беленькими городками, направо пустынные песчаные холмы земли Филистимской. Она отделялась от колена Иудина не вдалеке отсюда столь часто упоминаемым в Библии потоком Экроном, попросту потоком Филистимским, который теперь называют Нар-Рубим или Сарар; но, в сущности, и та часть равнины Саронской, которую мы теперь проезжаем, долгое время входила в пределы филистимлян и до сих пор пропитана их воспоминаниями.

Яффские ворота в Иерусалиме. Фото 1870-х гг.

Хотя с каждым годом дорога из Яффы в Иерусалим делается, как уверяют, безопаснее, однако вы услышите в Иерусалиме далеко не успокоительные рассказы о разных не особенно давних событиях на этой дороге. Если они и нечасты, то во всяком случае всегда возможны. Недаром консулы в Яффе до сих пор советуют путешественникам брать с собою кавасов; недаром и турецкие власти до сих пор охраняют эту Филистимскую дорогу целою цепью блокгаузов и вооруженными конными разъездами, которые мы только что встретили. Романтические башни блокгаузов да редкие арабские деревеньки, утонувшие в кактусах, одни только кое-где венчают холмы привольной равнины, уже покрытой зреющими посевами. Вид этих жирных хлебов и еще более вид трудолюбиво пахущего араба так мало гармонирует в моем представ-

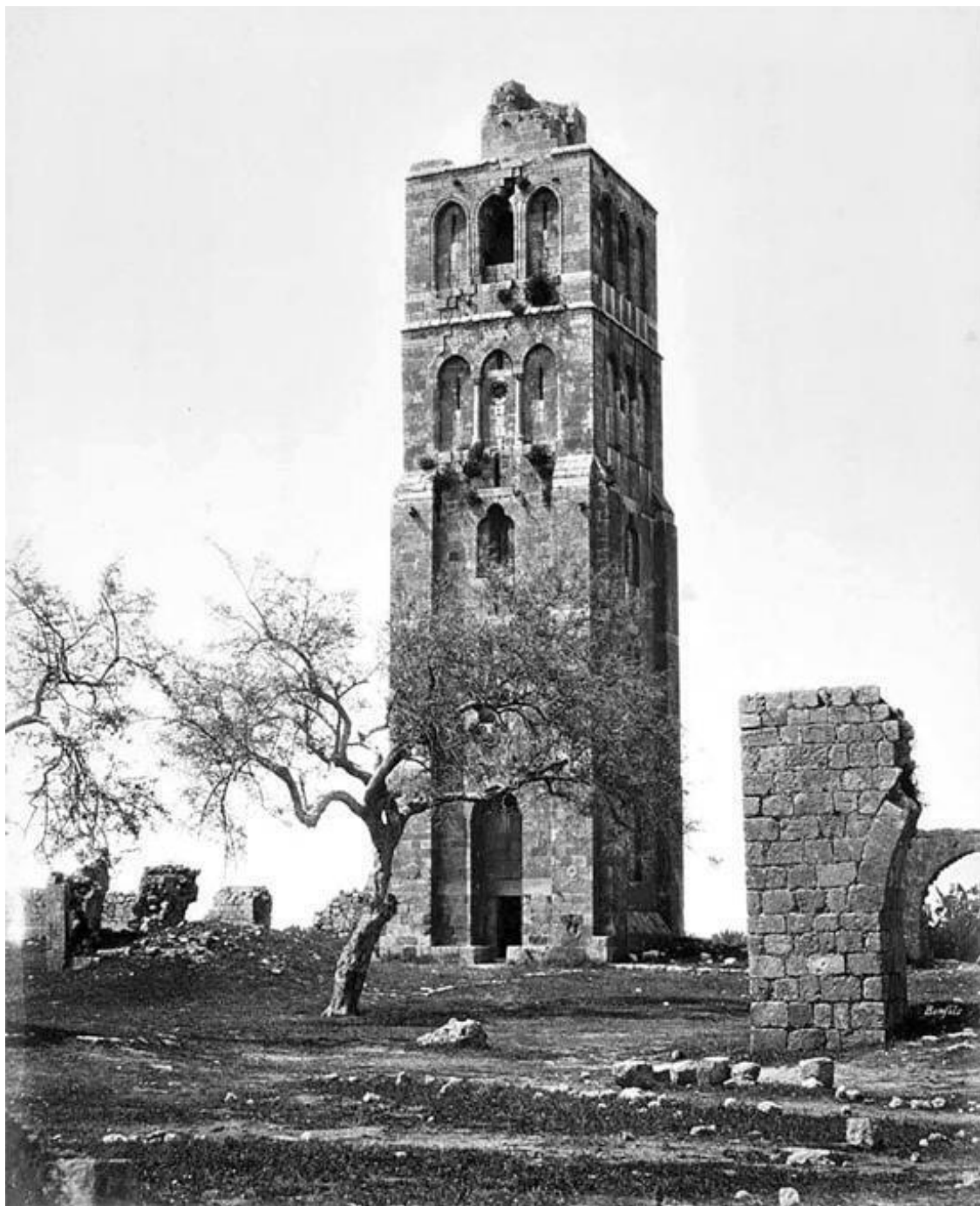
лении со всею воинственной обстановкой этого исторического пейзажа, со всеми воинственными воспоминаниями этой равнины великих битв.

Вот и Макатале – мрачная пустынная лощина между камнями, означающая по-русски нечто вроде «голову долой!». Недавно еще она кишела разбойниками, и богомольцы испуганно крестились, проходя ее. Сейчас же, как вылезешь из нее на гору, – сторожевая башня.

Прелестный розовый вечер, напоминавший нам самые очаровательные вечера нашей крымской жизни, спускался между тем на землю и охватывал все эти коварные разбойничьи засады, все эти камни, орошенные кровью народов, нежным объятием любви и мира. В сиянии этого тихого вечера приближалась к нам все ближе и ближе вырезавшаяся на фоне гор своими пальмами, кипарисами, куполами и минаретами древняя Аримафея – теперешняя Рамле.

Нам хотелось посетить Палестину православными паломниками, а не туристами-космополитами; поэтому мы не решились завернуть в соблазнительно зеленевшую направо от дороги, сейчас же поезде в город, опрятную тополевую аллею, что вела в благоустроенные и красивые владения латинского монастыря, и куда нас усердно соблазнял немец-возница. Но *architecte ingénieux* был, по-видимому, строгий католик и, как кажется, даже ехал в Палестину по приглашению какой-то католической конгрегации – строить монастыри и часовни.

Он тоже не захотел поместиться в приюте иноверцев и высадился со своим чемоданом у разукрашенных ворот аббатства, где его сейчас же встретили два босоногих *padre* в классических коричневых капюшонах, перепоясанных веревкой, и с круглою, как полная луна, тонзурою на темени, а мы, грешные, поплелись, патриотизма ради, безбожно подбрасываемые во все стороны безбожною турецкою мостовою, по гористым переулочкам этой издали столь прелестной Аримафеи в свои «русские постройки».

Белая башня («Башня сорока мучеников») в Рамле. Фото 1877 г.

И в самом деле: кому же поддерживать их, если свой брат русский, свой брат православный будет нести золото в французские и итальянские монастыри, без того несравненно более богатые и благоустроенные, куда и без того устремляются по раз наторенной дорожке все как один, будто поговору, многочисленные и всегда много расходующие туристы Европы, а за ними их слепые и безрассудные подражатели – русские благородные путешественники.

На «русские постройки» взбираешься, как на стены крепости. Наверху – открытая, плитами вымощенная платформа, окруженная почти сплошным кольцом низеньких и узеньких строений с каменными купольчиками на плоской каменной крыше. Это кельи для приезжающих, открывающиеся, конечно, прямо во двор. Под вымощенным двором – опять жилье, конюшни, сараи. Характерно и совсем непривычно.

Добрая старушка из какой-то подмосковной губернии, мирно проживающая здесь с своею дочерью в роли смотрительницы, приютила нас с русским гостеприимством в этом азиатском граде арабских халифов, крестоносцев и иудеев.

Приветливые, благочинные речи и благообразный вид этой характерной русской старушки, тульский самовар, сверкавший и шипевший по родному обычаю на круглом столе, под шумок родной беседы, а на дворе, в тени стеночки, уютно усевшиеся в обычный кружок с деревянными ложками вокруг деревянной чашки вечерявшие русские страннички в своих рубахах, лаптях и валенках, все это растрогало и умилило нас приливом какого-то особенно напряженного чувства родины.

– Хлеб-соль, старички, – подсел я на минуточку к давно уже знакомым богомольцам, – рады небось, что добрались до своего... Тут ведь и хлеб наш черный, и самоварчик.

– О, Боже мой, как хорошо!.. Совсем своя родная сторонushка. Можно ж таки с египетской землей сменить! – ослабившись благодушными улыбками, ответили мне старики.

Они уже поскидали свои пыльные свитки, распустили пояски, расстегнули слегка косые ворота и сидели потные, красные, распаренные, будто только что из бани. Кое от кого потягивало и виноградным винцом.

– Аль уж чайку успели напиться? – осведомился я.

– Да грешным делом животики пораспарили! Винцо тут дешевое – бутылка за гривенник. С красненьким чаек-то куда вкуснее! Вот лишненькое, смотришь, и выпил. Сам собою в рот человеку лезет, – с очевидным удовольствием разъяснял мне многоопытный вологоддец, вожак всей артели... Мы ведь на своих толкачах все, извозчика нам не нанимать, а тут жара. Так вот оно и не грех чайком побаловаться!

– Ты ведь из Вологодской губернии, кажется, старик? Далеко ж!

– Из Вологодской, с Ветлуги... мне далеко, а вот человек еще того подальше, из-за Камня, из-за Урала пришел, – указал он на тщедушного старичка с прилипшими к черепу длинными и жидкими волосенками. – Этот совсем вчистую ноги себе оттрепал, вспухнули как подушки. Только и тешит их, что котами валеными.

Сибиряк, о котором шла речь, с любопытством смотрел на свои неподвижно вытянутые как обрубки, обутые в валенки ноги.

– Теперь нисколько!.. Завтра к вечерне, коли Господь сподобит, и Святому Гробу поклонимся, – храбро похвастался он своим тоненьким полудетским голоском, словно думал подбодрить так некстати отказавшиеся от службы свои хилые шатуны.

Солнце заходило, и я взобрался на парапет стены, чтобы полюбоваться городом.

Невыразимая прелесть была разлита кругом в воздухе на земле и на небе. Живописная древняя равнина, охватившая этот живописный древний городок, вся тонула в последних розовых лучах умиравшего вечера. С вершины нашего дома-крепости были видны как на огромной карте маленькие беленькие городки, рассыпанные кругом Рамле в складках предгорий, на вершинах холмов. Вот у наших ног – рукою подать – Лидда, упоминаемая в числе городов Вениаминова колена, еще в Книге Чисел и Неемии, гораздо более древняя, чем само Рамле, место чудесных исцелений апостола Петра; теперь, впрочем, она гораздо более полна воспоминаниями о других чудесах и других подвигах. По народному преданию, в Лидде происходил знаменитый бой с драконом любимого героя церкви христианской Георгия Победоносца, этого близкого русскому сердцу «Егория-мученика», а котором поется в русском духовном стихе:

А Егорий свет – Христу мученик,
Христу мученик, еще труженик...
По коленки ножки да в чистом серебре,
По локотки руки да в чистом золоте,
А волос да на нем что ковыль-травя,

А гласом гласит по-евангельски,
А стихи поет иже херувимские.

Буйные ветры чудесно освобождают его от глубоких погребов царя-мучителя.

А Егорий-свет царицу враг – Демьяницу
Копьем грудь пробивал
Вот тебе, царице, за поруганьице,
За Христову кровь проливаньице!

В Лидде издревле показывалась и гробница святого Георгия, и издревле строились храмы во имя св. Георгия.

Вот у входа в синюю пасть гор крошечный поселок Латруна, родина разбойников, распятых со Христом. Вот у самых ворот Рамле знаменитая в течение долгих веков башня 40 мучеников, самый интересный памятник города. Для христиан это, конечно, храм царицы Елены, потому что в убеждении народа все храмы Палестины построены если не Соломоном, то Еленой, как на Кавказе всякая башня, всякая развалина непременно приписывается Тамаре.

Но для мусульман это с такою же несомненностью мечеть великого халифа Солимана – Джамие-эль-Абьяд. Солиман действительно построил Рамле – этот «городок песков» – еще в самом начале VIII века и основал эту мечеть, но после него много еще более славных наместников пророка, и Саладин, и Бибарс, и роскошный Калаун перестраивали и украшали знаменитую Джамие, еще сохранившую на себе интересные арабские надписи. Точно так же и громадные подземелья этой мечети одинаково утешают и благочестие христиан, и благочестие правоверных: легенды греческой церкви издавна ведут сюда паломника поклониться праху 40 мучеников, претерпевших мраз озера Севастийского, а мусульманские муллы и дервиши столь же усердно молятся здесь над гробницами 40 спутников пророка. Вообще вся эта страна глубочайшей древности покрыта столькими историческими наслоениями, что воспоминания самых отдаленных друг от друга веков перепутались и смешались фантазией народа в неразличимую путаницу, в которой не в силах ориентироваться самый многоученный археолог. Имя каждой деревушки, каждого храма, каждого ручья дышит Библией, временем апостолов или Крестовыми походами.

Русские паломники в Святой земле. С фото начала XX в.

Меня всегда глубоко проникает эта поэзия седой древности и расстилавшийся кругом меня неохватный пейзаж, без того полный прелести, отражался в сердце моем вдвойне прекраснее от этого незримого дыхания тысячелетних теней истории.

Сама древняя Аримафея толпилась у моих ног тесными лабиринтами своих четырехугольных каменных домиков, осененных куполами, среди которых изредка подымались в потухавшее небо одинокие пальмы и кипарисы да минареты турецких мечетей. Тихий городок смотрел на меня черными входами своих безоких домиков, своими разрушенными сводами и муравьиными кучами своих земляных куполов – совсем так, как он смотрел, наверно, во дни ветхозаветного Саула или евангельского Никодима, словно только что был выхвачен со страниц Библии, не ощутив на себе прикосновения веков.

Как раз против нашего дома, едва отрезанный от него трехаршинным проулком, высится большой старинный храм крестоносцев с готическими амбразурами, с просторным двором, уже много веков тому назад обращенный в главную мечеть города. Иноверцев редко пускают в нее; вон я вижу: глубоко внизу наши спутники итальянцы, вместе с французским архитектором, пробираются к ней у подножия высоких стен. Драгоман их что-то долго спорит с суро-

вым хаджи, охраняющим запертый вход, но, видно, не мог победить упрямства магометанина, потому что европейские туристы поворачивают оглобли.

Невозможно жалок, почти неприличен вид этих модных шляп и жакеток с бульвара европейских столиц в этой ветхозаветной обстановке древнего города измаильян, филистимлян и иудеев, в этой стране величавых мантий, строгих профилей, важных движений.

Направо от нашего дома виднеются в тесноте азиатских кварталов массивные постройки греческого монастыря, без колоколен, без отдельно стоящих храмов, скорее похожие на крепость с эспланадами и парапетами.

На верхней террасе, господствующей над городом, можно было еще различать медленнодвигающиеся по ней черные фигуры.

– Это святейший патриарх Иерусалимский изволит сегодня ночевать в их монастыре, – сообщила мне с благоговением старушка смотрительница. Епархию свою обзревает, только что из Газы вчера вернулся, а завтра в Лидду едет. Там святого Георгия праздник.

Я решился воспользоваться этим удобным случаем и отправился познакомиться с патриархом, которого мог не застать в Иерусалиме.

Патриарх Иерусалимский Никодим

Греческий монастырь построен на том месте, где стоял по преданию дом Иосифа Аримафейского точно так, как латинский монастырь, разумеется, попал как раз на двор к благочестивому Никодиму. Блаженны верующие! Оспаривать эти предания так же невозможно, как и доказывать их, а главное – совсем беспечно.

Все дело тут в вере, а не в доказательствах. Двор монастыря был запружен конными всадниками и ослиами. Христиане-арабы толкались здесь, кто – с нуждами к патриарху, кто – просто получить его благословение. На лестницах, на террасах тоже была толпа. Мой проводник-араб

поговорил по-арабски с монахами, и меня сейчас же ввели на обширную верхнюю площадку, составлявшую плоскую крышу монастырских зданий. Монахи черною толпою теснились перед нею, созерцая издали вместе с любопытною публикою важно восседавшего в глубине террасы своего владыку, но на самую террасу не вступал никто из них.

Высокая сановитая фигура патриарха разом поднялась с кресла и сделала несколько шагов мне навстречу... Патриарх Никодим – совсем еще бодрый и моложавый человек, мужественного вида, с энергическим и несколько гневным взглядом черных как угли глаз, с черною бородою, черными волосами, весь одетый в черное.

На голове его – низенькая черная камилавка с расширенным дном, обычного греческого образца, а на плечах – черная меховая шубка сверх черной рясы. В такой же меховой шубке сидел около патриарха и митрополит Петры Аравийской. Очевидно, этот мех – не столько необходимость в теплые дни апреля, сколько условия сановитости.

Патриарх, осенив меня широким размашистым благословением, ласково пригласил на стоявшее перед ним кресло. Он представил меня сейчас же своим собеседникам: Никифору, митрополиту Петры Аравийской и архимандриту здешнего монастыря, нашему общему хозяину.

Впрочем, почтенные отцы почти не принимали участия в нашей дальнейшей беседе, может быть, из этикета, а может быть, и потому, что не понимали по-русски. Я невольно засмотрелся на характерную фигуру аравийского архипастыря. Небольшого роста, молчаливый, худой и бледный, с седою бородою, едва не по колена, он до того живо перенес мое воображение в средневековые скиты фиваидских и палестинских отшельников, питавшихся кореньями и закрывавших длинными брадами свою наготу, что я смотрел на него скорее как на икону строгого письма, изображающую лик какого-нибудь Ефимия Великого или Петра Афонского, чем на подлинного живого человека.

Сейчас же явился служка с подносом, на котором, по восточному обычаю, стояли варенье и холодная вода. Патриарх любезно преподал мне первый урок, как обращаться с этим сладостным азиатским приветствием. Не успел я залить водою густой и вязкий шербет, как появился другой поднос – с черным турецким кофе. Таков уже неизменный этикет восточного гостеприимства.

Патриарх Никодим очень долго жил в России, избран Россией и отлично говорил по-русски, хотя, конечно, с некоторым акцентом. У нас оказалось много общих русских знакомых, и вообще его блаженство с большею симпатией вспоминал свою русскую жизнь в Бессарабии, в Москве, в Одессе. Но меня, конечно, более всего интересовали дела здешней церкви.

– Удивляюсь, как это христианские державы, после стольких войн, побед и мирных трактатов, при таком всеильном влиянии на Турцию, до сих пор не могли выговорить себе в полную собственность хотя бы один Иерусалим, не говоря уже все святые места, – высказал я его блаженству занимавшую меня мысль.

Энергический патриарх чуть не подскочил на своем кресле от изумления и испуга.

– Что вы, что вы! Да избави нас от этого вовеки, милосердный господь!.. – вскрикнул он, сверкая глазами. – Для нас нет опаснее врага, как Европа. Что раз попадет в руки англичан или французов, с тем уже надо нам проститься навсегда. Вы представить себе не можете, с каким страшным трудом приходится нам отбиваться здесь от напора латинства и лютеранства, особенно латинства. Они настойчивы не по-нашему, не жалеют ни труда, ни денег. Они и силою и хитростью вырывают у нас нашу слабую в православии паству. Турки сравнительно с ними – наши спасители, особенно теперь. Притеснять серьезно уже не смеют, России боятся, стали бессильны, а нам везде доверяют, по старой привычке, больше, чем латинцам. Все-таки мы им свои в некотором роде, подданные их, – снисходительно улыбнулся патриарх.

Мне не было интереса опровергать взгляды архипастыря Иерусалимской церкви, и я только старался вызвать его на дальнейшее развитие своих мыслей.

– Нет, я искренно молюсь ежедневно за султана, пусть Бог продлит его дни! – продолжал разгоряченный патриарх.

– Пока Турция стоит, до тех пор и мы тут хозяева, до тех пор святыни православия в наших руках. Вот другое дело, когда перейдет со временем турецкое наследство в православные руки. Этому же, разумеется, неминуемо быть когда-нибудь. А пока нужно молить Бога, чтобы святыне места не уходили из-под турецкой власти.

– Неужели ж между христианскими церквями в Палестине больше вражды, чем между магометанами и христианами? – спросил я.

– Никакого сравнения. Магометане – самый спокойный народ на этот счет. А католики не пренебрегают ничем, чтобы переманить верующих от нас к себе. Дают деньги за это, воспитывают детей на свой счет, открывают кредиты в банках, заступаются во всех делах через посольства и консулов. Мы ничего подобного не в силах делать. Оттого-то много православных арабов ушли в последние годы из нашей церкви в католическую и лютеранскую.

– И никаких средств нет остановить это, бороться со своей стороны?

– Средства, конечно, могли бы быть, если бы мы всегда были деятельны и внимательны к нуждам своей паствы, – тоном решимости отвечал патриарх. – Мы сами, конечно во многом виноваты. Вот я был сейчас в таких епархиях, куда никогда не ездили наши патриархи. А народу необходимо иметь утешение и помощь от своего владыки. Там устроишь, что нужно, там поддержишь благолепие церкви, чистоту обрядов – народ и сам иначе отнесется к церкви. Да вот если пробуду на патриаршем престоле пять лет, я всех их опять в православие возвращу, всех от нас оторванных. В этом дал себе слово и сдержу его! – прибавил, строго нахмурившись, патриарх, словно угрожал какому-то невидимому сопернику.

– Немного времени прошло, а уж 300 человек удалось мне вернуть к православию, – продолжал он через минуту более спокойно. – Подождите немного, все опять у меня будут!

– Россия, конечно, поддерживает эти усилия вашего блаженства? – спросил я.

– Россия, разумеется, – как-то неуверенно сказал патриарх. – Кому же кроме и поддерживать? Мы и Россия – это все одно. Я только вот чего не понимаю: какая надобность России иметь в Палестине какое-то особое от нас ведомство? Мы все – та же русская миссия. Интересы наши те же самые, и все, что исполняет здесь так называемая русская миссия, мы могли бы исполнить еще удобнее, только без всякого раздвоения власти и средств, без напрасного разделения греческих интересов от русских.

Я уже слышал раньше о серьезных недоразумениях и тайном соперничестве, возникших между русскою Палестинскою миссией и патриаршим престолом, но так как сам не знал ничего верного, кроме рассказов и пересудов, то счел за лучшее не затрагивать этого щекотливого вопроса.

– В России стараются выставить меня каким-то недругом русских, – продолжал между тем патриарх. – А тут меня считают не греческим, а русским, потому что я русский ставленник и жил долго в России. Могу ли я быть недругом русских? Но мне дорого единство церкви, и я думаю, что в Святом граде не должно быть двух православных церквей и двух православных интересов. А вот, слышу, какой-то корреспондент «Нового времени» живет теперь в Иерусалиме и что-то пишет про меня, наслушавшись сплетен по гостиницам, – засмеялся вдруг патриарх, очевидно, однако, несколько озабоченный этим слухом.

– Да, вот еще хотел я вам сказать! – перебил он сам себя. – Вы говорите: помогает Россия. Конечно, у нас почти все богомольцы русские. Греки редко приходят, Румыны тоже, потому что там бедность. Только напрасно думают, что Святой Гроб так много получает из России. Мы, собственно, из России ровно ничего не получаем, не посылаем никого на сбор, и даже я Синоду вашему писал, чтобы не верили тем монахам, что собирают нашим именем. А богомольцы, конечно, приносят, но не особенно много. Богатые – тоже редко. А вот есть у нас в России святогробские имения, ими больше и содержимся. Я сам был управителем наших

бессарабских имений, а потом заведовал Московским Иерусалимским подворьем с титулом митрополита Фаворского. Ну что ж, действительно получаем тысяч 140 рублей с бессарабских имений, тысяч восемь – с Московского подворья, да тысячи две – за тифлисские дома – вот и все главные доходы Святого Гроба. Есть еще у нас в Турции, в Греции имения, но те мало дают дохода, тех хоть бы и не считать.

Мы еще о многом беседовали с его блаженством, он, по-видимому, хорошо знаком со всеми течениями духовной и светской политики Петербурга. На меня он произвел вообще впечатление человека энергического, ясно видящего свои цели и стремящегося к ним с настойчивою твердостью. Это действительный правитель и хозяин церкви. Таких людей мудрено вести на помочах, мудрено заставить петь с чужого голоса.

В них слишком много для этого сознания своего высокого положения и своих прав. Может быть, при известных обстоятельствах такая самостоятельность взглядов и характера способна перейти в некоторое властолюбие, но трудно вместе с тем желать, чтобы на важном и воинствующем посту, каков престол иерусалимского патриарха, постоянно окруженный борьбою и интригами иноверных исповеданий и иностранной дипломатии, сидел человек, не умеющий себя поддержать на высоте своего призвания.

Русской духовной политике нельзя упускать из виду, что верховные сановники греческой церкви все-таки подданные турецкого султана, что политика самой Греции и настроение греческого народа в последнее время далеко не так дружественны ко всему русскому, чтобы мы могли благодушно успокоиться на единстве всех своих духовных интересов и целей. Греческое племя, давшее нам когда-то православную веру и первые семена образования, долгое время стоявшее под полуварварским русским славянством в роли просвещенного учителя и могучего патрона, может быть, острее и ревнивее, чем какая-нибудь другая народность, уже в силу одних своих исторических воспоминаний, относится к теперешнему неизбежному господству русского влияния в области православия и не хочет добровольно уступить ему своего древнего законного наследия; но, сознавая это, нам, очевидно, следует не обострять борьбу формальным раздвоением интересов православия, а следует влиять искусными и тонкими средствами на самое настроение греческого духовенства и греческого народа, суметь стать в самой Греции, в советах Вселенской церкви, на твердую родственную ногу, объединить наши общие с Грецией духовные интересы, так сказать, в самом источнике их.

«Русские постройки» в Иерусалиме. Фото 1883 г.

Впоследствии я много слышал в Иерусалиме и Палестине о неустойчивой деятельности патриарха Никодима по восстановлению древних святынь Палестины и поддержке православия в самых далеких и забытых ее углах. Его особенно хвалили за то, что он строго преследует безнравственность монахов и распущенные нравы духовенства. То и дело, говорят, разбалованные иноки богатых обителей отправляются по приказу владыки на тяжелое покаяние в Мерсибу и даже на Синай.

Глядя на его черные огненные глаза и слушая его страстную речь, можно этому поверить... Его блаженство оказался знаком с моими «Очерками Крыма» и отозвался о них с большою любезностью, выразив надежду, что в Палестине я найду еще больше материалов для своих религиозных, исторических и поэтических впечатлений.

Было уже поздно; пора было отдохнуть и владыке, и мне самому, и патриарх благословил меня с особенною приветливостью, взяв с меня слово побывать у него в Иерусалиме на Троицын день.

Я возвратился в русские постройки через совсем уже темные и опустевшие переулки. У нас уж все спало мертвым сном. Но я еще целый час простоял в молчаливых думах на высоком уступе стены, над обрывом глубокой и узкой улицы, отделявшей от нас мечеть.

Высокая башня минарета смутно вырезалась над моею головою в темно-синей бездне ночи, мигавшей яркими звездами.

– Ля иляха илля Ллах! – медленно и протяжно пронизывал стихший воздух ночи голос муэдзина с поглощенного тьмой минарета.

– Ля иляха илля Ллах! – завывал этот незримый голос, десятки лет неизменный в своей интонации, как звук медного колокола, десятки лет, точный, как полуночный крик петуха.

Неспешно обходил он там наверху по утлону балкончику, поднятому к облакам, невидимый для человеческого глаза, от востока к северу, от севера к западу, от запада к югу, и к каждой стороне света по очереди взывал свою протяжную, далеко слышную молитву:

– Ля иляха илля Ллах!..

III. В стране филистимлян

Ночная встреча с бедуинами. – Новые и старые разбои. – Латрун, город разбойников. – На родине Маккавеев. – Вади-халил. – Оливковое дерево. – Долина Аялонская и Иисус Навин. – Исторический взгляд на грехи прошлого. – Древняя Сора. – Моткал Али-Мехсин. – Деревня Абу-Гош. – Пророк Иеремия. – Земля филистимлян. – Место боя Давидова. – Эммаус Евангелия. – Подъем к Иерусалиму.

Была еще совсем темная ночь, когда немец-возница постучался в дверь нашей келии. Аккуратный архитектор-француз ждал нас со своими чемоданчиками на террасе дома, на улице уже стояла совсем запряженная трясучая колесница наша. Зги не было видно в черных, узких переулочках, и мы ехали, уповая на всевидящие глаза лошадей, готовясь ежеминутно очутиться в каком-нибудь провале. В поле стало полегче. Все-таки можно было, хоть с трудом, различать очертания деревьев. Я вынул на всякий случай револьвер, но, признаюсь, ехал через эту черную филистимскую степь, населенную бедуинами, с таким же беззаботным чувством, как через поля своей родной деревни. Бедуины стали попадаться навстречу сейчас же. Они ехали верхами, поодиночке и толпою, плотно завернутые в свои плащи, и, кажется, досыпали на лошадях недоспанную ночь.

У всех качались за спиною длинные и тонкие дула их кремневых, богато отделанных винтовок. Не было никакого сомнения, что они могли устроить, если бы захотели, все, что хотели, с нашею жалкою плетущеюся каретой. Но им было ясно, с другой стороны, что двое мужчин, решившихся отправиться с женщиной в ночное путешествие мимо их шатров, не поедут безоружные, а поднимать сомнительную перестрелку из-за такого пустого дела, как чемоданы путешественников, не в нравах трусливого бедуина, который терпеть не может крови и неверной борьбы, а охотник до безопасного грабежа.

Яффские ворота и оттоманская часовая башня на почтовой открытке XIX в.

В дни Шатобриана и даже в дни Муравьева, не говоря уже о более отдаленных временах, путешествие по этой дороге было, впрочем, далеко не так просто и далеко не так дешево.

Вот как описывал Шатобриану обычные перипетии всякого значительного путешественника знаток этого дела, католический кюре Яффы:

«Вам хочется видеть агу? Так сначала нужно ему поднести подарки. Он непременно снабдит вас, хотите вы или нет, конвоем до Иерусалима. Ага Рамле увеличит этот конвой. Арабы, узнав, что богатый француз едет поклониться Святому Гробу, сорвут с вас усиленные пошлины в Каффаро или нападут на вас. У ворот Иерусалима вы наткнетесь на стан дамасского паши, прибывшего взыскать контрибуцию на отправляющийся в Мекку караван. Ваша обстановка бросится в глаза паше, и он подвергнет вас новому обирательству. В Иерусалиме с вас потребуют за конвой тысячи 3–4 пиастров. Народ, узнав о вашем приезде, станет осаждать вас так, что, если бы у вас были миллионы, вы не насытите его жадности. Улицы будут запружены при вашем проезде, и вы будете пробиваться до Святых мест с опасностью быть разорванным в клочки».

Почтенный кюре, в числе множества примеров, рассказал знаменитому французскому путешественнику про одного польского епископа, любившего пышную внешность, которого за два года перед тем толпа едва не лишила жизни. Благодаря убеждениям благоразумного кюре, благородный автор «Духа христианства» решился прикрыться грубым плащом бедуина и в самой простой обстановке, со своими двумя слугами, переодетыми также в бедуинов, с двумя арабами и многоопытным патером во главе, шедшим, по примеру апостолов на собственных ходунах, отправился в Иерусалим. Но и этих предосторожностей было мало. Из Иерусалима пришлось выслать навстречу путешественнику монастырского драгомана, который заранее уговорился с шейхом-бедуином проводить в безопасности Шатобриана до ворот Святого Гроба.

Интересно, что провожатым Шатобриана был тот самый шейх Абу-Гоше, которого разбои долго потом гремели в горах Иудеи и память которого сохранилась в имени неприступного горного селения Абу-Гош, гнезде славного разбойника.

Оттого-то, верно, Абу-Гош и ударил без оглядки от Шатобриана, как только увидел под стенами Иерусалима шатры грозного паши, который имел обычай без жалости дуть по пяткам удалых промышленников пустыни...

Американец Диксон странствовал по Палестине уже шестьдесят лет спустя после Шатобриана, незадолго перед нами, однако и ему пришлось видеть на дороге под Иерусалимом, хотя и с другой стороны, трупы убитых, и даже в самом Рамле он должен был выслушать печальную повесть о только что зарезанном арабами монастырском враче при Гробе Господнем.

Все эти воспоминания и соображения не особенно способны успокоить путешественника робкого десятка, когда он двигается в глубокой темноте ночи через пустыню, которой каждая ложинка и каждый холм прославлены давними и недавними разбоями.

Первые лучи зари осветили тянущуюся направо от дороги хмурую цепь Филистимских холмов и впереди глубокую синеву Иудейских гор. На пригорках по-прежнему вырезаются суровые сторожевые башни, из которых выезжают конные патрули. Чем-то враждебным и неприютным глядит на нас в полусумраке рассвета вся эта страна воинственных воспоминаний и воинственных нравов. Она делается с каждым шагом все гористее, подъемы делаются все труднее.

Вот и Латрун, вечный притон разбойников, что дало повод приурочить к нему кстати и двух разбойников Евангелия. У дороги стоит довольно большая гостиница, которую содержит европеец, но в которой нам посоветовали не останавливаться. Дальше и деревня Латрун, вся в кактусах. На холме развалины Никополиса, густо заросшие колючими кустами. Мы не утерпели и вскарабкались на холм полюбоваться разбитыми сводами, массивными стенами и остатками водопровода. В темноте засиделись, и хотелось размять усталые члены на утреннем солнышке.

Большинство путешественников считают Латрун древним Модином – прославленную родиной Маккавеев. На гостинице, мимо которой проехали мы, даже красуется внушительная надпись: «Hôtel des tombeaux des Maccabees».

Диксон смело окрещивает «поездкой в Модин» свой путь до Латруна...

Но, кто знаком с историей Модина, никогда не поверит, чтобы эта основная твердыня иудейского патриотизма, так славно боровшаяся против сирийских и всяких других царей, могла быть тем ничтожным холмом, который мы только что посетили.

Шатобриану указывали на «замок Маккавеев», уже проехавши долину Уади-Али, на один из тех высоких горных конусов, которые во множестве господствуют над этою горною странюю и на которых стоят развалины всех сколько-нибудь известных древних крепостей Иудеи.

«Замок Маккавеев» Шатобриана был, конечно, не что иное, как поднятый к облакам Соба, отлично видный нам с дороги, в котором еще в XVI столетии были найдены древние гробницы и который долго считался за Модин. Но теперь открыт, по-видимому, истинный Модин в селении Эль-Медиа, недалеко от Лидды. Та или другая горная вершина скрывает в своих недрах прах иудейских героев, все-таки несомненно, что мы теперь в стране их жизни, их подвигов. Маккавеи, вожди евреев, – кажется, в этом воспоминании не должно быть ничего особенно близкого русскому сердцу. А между тем и англичанин, и русский, и араб через целых 2000 лет переполняются сочувственным волнением при воспоминании об этих чуждых им подвигах, как будто подвиги эти составляют их общее драгоценное наследие. Такова сила человеческой доблести. Она принадлежит всем, она роднит, как узы крови, самые далекие века и самые противоположные народы.

В то время Антиох Епифан покорил и рассорил Израиль. «Вострепетала земля за обитавших на ней, и весь дом Иакова облекся стыдом».

«Святилище его запустело как пустыня, праздники его обратились в плач, суббота его – в поношение». Царь приказал обращать всех силою в язычество. Везде ставились жертвенники идолам. У кого находили книги древнего еврейского закона, тех казнили смертью. Матерей, обрезавших своих детей, убивали.

В те дни восстал Маттафия, священник из сынов Иоарива из Иерусалима. Жил он в Модине». «Для чего нам еще жить?» – сказал он. «И разодрал Маттафия и сыновья его одежды свои, и облеклись во вретиче и горько плакали». Пришли посланные от царя Антиоха в Модин принуждать к отступничеству иудеев. И многие из Израиля пристали к ним, подходили к идолам и приносили жертвы.

Увидев это, Маттафия возревновал, и затрепетала внутренность его, и воспламенилась ярость его по закону». Царский посол был убит, убиты отступники, жертвенник разрушен. Верный Израиль ушел в пустыню вслед за Маттафией и сыновьями его. К ним собралось множество народу. Тогда Маттафия выступил с грозным ополчением и стал отбивать израильские города. Но он скоро умер и торжественно похоронен в Модине.

И восстал вместо его Иуда, называемый Маккавей, сын его. Он облакался бронею как исполин, он уподоблялся льву в делах своих. Прошел по городам Иудеи и истребил в ней нечестивых».

Иерусалим был опять возвращен, и восстановлено Царство Израильское, и началась многолетняя эпоха непрерывных боевых подвигов, непрерывного геройства. Иуда – «Лев Израиля» – пал, как следовало льву. Войско его почти все разбежалось, испуганное грозною ратью царя Дмитрия.

«Но Иуда сказал: нет, да не будет этого со мною, чтобы бежать от них; а если пришел час нам, то умрем мужественно за братьев наших!» Иуда пал в жестокой битве. «Пал сильный, спасавший Израиля! И взяли Ионафан и Симон Иуду, брата своего, и похоронили его во гробе отцов его, в Модине».

Вот какую геройскую памятью запечатлены камни неведомого теперь Модина.

Левее дороги, тоже на холмике, бедная арабская деревушка, в которой так странно звучит священное с детства название – Эммауса. Однако и об Эммаусе Евангелия столько же споров, сколько о Модине. Эммаус отыскивают и в Кубабе, по дороге в Рамле, и еще с большим вероятно в том живописном селении Колония, в котором нам предстоит обедать и откуда начинается последний подъем на горы Иудейские.

Колесница наша въезжает в долину, поросшую деревьями, Вади-халил. Кучка арабов с верблюдами и овцами сбилась вокруг громадной каменной трубы, глубоко идущей в каменистую почву. Это Бир-Эюб – колодезь Иова, из которого не упустит напоить свой скот ни один туземец. Сейчас же в стороне, на склоне скалы, развалины монастыря Иова.

Теперь мы совсем забираемся в горные теснины. Вади-халил – тенистый и узкий проход, в котором немного лет тому назад разбойники чаще всего останавливали купцов и богомольцев. Впрочем, теснина эта прозвана не по имени разбойника, а по имени благочестивого отшельника Имама-Али, мимо фонтана и роц которого пришлось нам потом проезжать. Почти у самого входа в теснину два-три домика «Ворот Долины» – «Баб-эль-Вади».

Тут тоже маленькая таверна, и, так как ее держит еврей, а не англичанин, то наш немец предпочел ее Латруну, чтобы дать немножко передохнуть и нам, и утомленным лошадам своим.

Наши три итальянца обогнали нас и уже хозяйничали в трактире. Но, кроме яиц всмятку и самого невозможного залежавшегося сыра, не нашлось ничего в нечистоплотных шкафах нечистоплотного еврея, несомненного потомка по прямой линии одного из распинателей Христа.

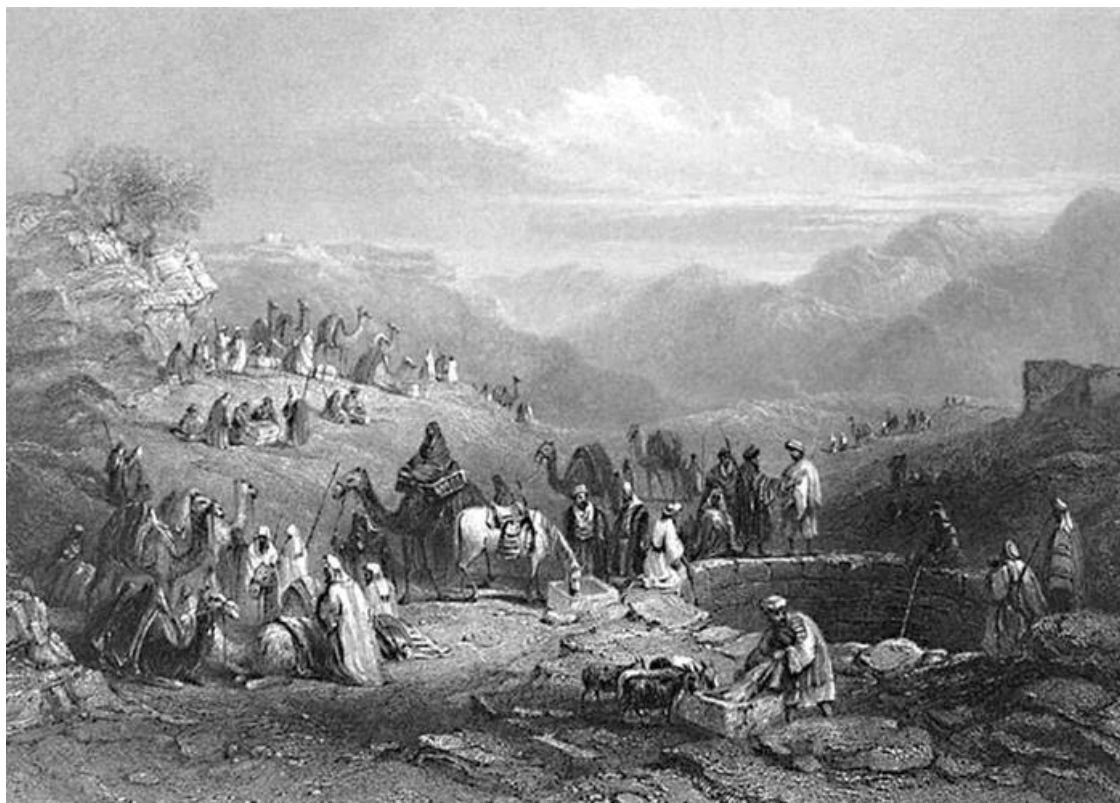
Выручил нас ничем не заменимый русский самовар, в котором жена приготовила нам свой русский чай совсем по-русски, да столь же неизбежный турецкий кофе, которого не успел вконец испортить даже еврей. Мы весело проболтали часа полтора в этой неожиданной молодой компании и, ободренные ярким солнышком еще более, чем русским чаем, вместе двинулись далее на приступ Иудейских гор. Утро было восхитительное, подъемы и спуски ужасные. Бесконечная каменоломня, которую здесь величают большою дорогою, выбивала из сил и лошадей и пассажиров, и нужно было изумляться, как десять раз не рассыпались колеса немецкого фургона и сам он не перевернулся вверх дном. Все мы то и дело вылезали и шли целые версты пешком. Самый тряский осел на подобной дороге был бы гораздо покойнее невыносимого экипажа, и нельзя было сомневаться, что человек, привыкший, подобно мне, много ходить, дошел бы до Иерусалима пешком гораздо скорее, чем дотащат нас до него по этим нескончаемым горам и по этим безобразным обвалам камней истощенные лошададки... Тем не менее на душе было беззаботно и радостно; цветущая и зеленеющая долина, облитая жарким утренним солнцем, словно расстилала свои яркие ковры и в моем упоенном сердце.

Густая зелень рожковых деревьев, держидерева и одичавших олив провожала нас везде. Следы обширных террас, засаженных оливковыми садами и виноградом, попадались на каждом шагу. Несомненно, что эта долина, соседняя со столицею Иудеи, была в древности густо населена деятельными садоводами и виноделами. Нельзя не залюбоваться здешними многовековыми маслинами, которые целыми рощами еще покрывают склоны холмов... Стволы их кажутся свитыми из бесчисленного множества серых железных канатов, между которыми просвечивают черные гнезда пустого дупла. Листва их тоже какая-то сине-серая, будто пылью пропитанная, и дает самую скудную тень. Это дерево каменистых пустынь и солнечного зноя приготавливает в своих сухих недрах вместо кислой или сладкой влаги плода, утоляющего жажду, густую струю горячего масла.

Огромные серые ящерицы то и дело снуют по этим серым стволам, ныряя сквозь бесчисленные лазейки в черную пустоту этих древних нерукотворных башен своих, быстро скользя, как проворная рыбка в воде, под кучами таких серых камней. Эти ящерицы не похожи на

наших: они тоже кажутся словно железными, как и деревья, в которых они живут. Когда такие крупные жирные ящерицы перебегают во множестве дорогу, задрав высоко хвост и головы, на своих довольно высоких ногах, издали кажется, что это стаи каких-то странных серых птиц спасаются в свои каменные норы от грома наших колес. Маленькие змейки почти так же часто выскакивают из-под ног, без оглядки улепетывая в те же спасительные камни.

На самой дороге мы миновали так называемые «деревя имам Али», тенистую рощицу, олив и смоковниц, приосеяющих старый фонтан и невдалеке развалины старой мечети. В этих угрюмых каменных теснинах, где воду можно найти только в редкие месяцы дождей, устроить колодезь с водою есть поистине подвиг святого, достойный благословения потомства.

Вид местности вблизи Эммауса. С гравюры XIX в.

От тысячелетней истории прошлого уцелели еще в этой стороне гор не одни только древние маслины. Нет никакого сомнения, что местность, по которой теперь мирно плетутся немецкие рывданы с русскими, французскими и итальянскими туристами, есть именно поле тех жестоких и бесчисленных битв, которыми древний кочующий Израиль очистил себе место среди воинственных и цивилизованных народов, густо населявших тогда страну Ханаанскую. Очень может быть, что даже эта Вади-халил есть не что иное, как пресловутая долина Аиалонская, над которою, по сказаниям Библии, совершилось известное чудо Иисуса Навина.

«И сказал Иисус пред Израильтянами: “Стой солнце над Гаваоном, и луна над долиною Аилонскою!” И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим». По крайней мере сейчас над долиною Али, в горах ее северного берега, до сих пор стоит деревушка Яло, а несколько верст восточнее нее другая деревушка Гиб, или Джиб, которой положение и имя невольно напоминают Гаваон, когда-то один из важнейших городов Хананейского союза, единственный город, избежавший хитростью кровавой участи Иерихона, Гая и других ханаанских городов, завоеванных Иисусом Навином.

Жутко читать в Библии вдохновенную, смертоносную эпопею этого завоевания. От суровой фигуры могучего вождя израильского, который в каком-то религиозном восторге, с какою-

то фанатической неумолимостью жреца, совершающего заклятие перед жертвенником своего грозного Иеговы, безостановочно «предает концу копия» царей, города, народы, веет смертным холодом, как от крыльев какого-нибудь беспощадного ангела-истребителя апокалипсических видений.

«Вывели к нему из пещеры пятерых царей тех: царя Иерусалимского, царя Хевронского, царя Иармуфского, царя Лахисского и царя Еглонского. Поразил их Иисус и убил их, и повесил на пяти древах». В тот же день взял Иисус Макед и поразил мечом царя его и предал заключению их и все дышащее, что находилось в нем, никого не оставил, кто бы уцелел!»

После Македа он идет в Ливну (вероятно, теперешняя деревня Лифта около самого Иерусалима).

«И предал Господь и ее в руки Израиля, и царя, и истребил ее Иисус мечом и все дышащее, что находилось в ней, никого не оставив в ней, кто бы уцелел!»

За Ливной следует Лахис.

«И предал Господь Лахис в руки Израиля, и взял он его на другой день и поразил его мечом, и все дышащее, что было в нем, и истребил его так, как поступил с Ливною».

За Лахисом Еглон, за Еглоном Хеврон, за Хевроном Давир, и дальше и дальше, бесконечно развивающимся роковым свитком, чередуются один за другим в тех же немногих суровых и коротких словах приговоры истребления и смерти целым царствам.

И поразил Иисус всю землю нагорную и полуденную и низменные места, и землю, лежащую у гор, и всех царей их. Никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал закланию, как повелел Господь Бог Израилев!»

Наступает новый ряд битв, с другой стороны Палестины, с царем Асорским, собравшим против Израиля подвластных ему царей.

«Асор же прежде был главою всех царств сих». Опять те же поражения, то же истребление «всего дышащего».

И поступил Иисус с ними так, как сказал ему Господь: коням их перерезал жилы и колесницы их сжег огнем». «Взял Асор и царя его убил мечом. И побили все дышащее, что было в нем, мечом, предав закланию; не осталось ни одной души, а Асор сжег он огнем. И все города царей сих, и всех царей сих взял Иисус и побил их мечом, предав их закланию, как повелел Моисей, раб Господень! Не отступил ни от одного слова во всем, что повелел Господь Моисею».

В приливе горделивого упоения строгим исполнением священного долга поет свой однообразный ужасный припев этот беспощадный жрец смерти.

Было бы в высшей степени несправедливо видеть в этой неумолимости вождя израильского только возмутительную жесткость. Невозможно судить тысячелетнюю древность по кодексу нашей теперешней нравственности. Вероятно, мир должен был поглотить много крови, пока насытился, пока пресытился ею и ощутил наконец к ней теперешнее неодолимое отвращение.

В древние века человечество проливало свою кровь просто, смело и щедро потому, что везде царил закон крови. Израиль вынес из Египта, вытерпел в пустыне, нашел в земле Хананской те же обычаи крови, вкусы крови. С такою же беспощадностью, как он истреблял нечестивых хананейцев, истребляли фараоны Египта его первенцев, и амаликитяне пустыни – его мужей.

Ужас был тогда основой закона, общества, царства, основой международных отношений. Или сам испытывай ужас и покоряйся, страдай, или внуши ужас другому и владей над ним, повелевай ему.

Когда первые соглядатаи Израиля вернулись из окрестностей Хеврона в пустыню Фаран, они рассказывали: «Народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие. Там видели мы исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода, и мы были в глазах

наших пред ними, как саранча». И подняло все общество вопль, и плакал народ во всю ту ночь: «О, если бы мы умерли в земле Египетской или умерли бы в пустыне сей!»

Ужас перед сынами Енаковыми, овладевший евреями, был так велик, что они предпочли лучше вернуться в пустыню и странствовать в ней несколько лет, пока решились наконец пробраться в Обетованную землю далеким обходом, из-за Мертвого моря, через земли моавитян и аммонитян, к Иордану и Иерихону, откуда уже началось кровавое победное шествие Иисуса Навина.

Панический ужас Израиля перед сынами Енака ему теперь необходимо было заменить таким же паническим ужасом этих, некогда страшных сынов Енака, перед торжествующим народом Господним. Места для обоих не было; народу Господню необходимо было взять наследие Авраама и Иакова, издревле обещанное ему его Богом, или лечь костями.

Перед этою роковою задачею жизни и смерти целого народа должны были отступить назад все другие человеческие соображения и человеческие чувства, и неумолимый истребитель врагов неминуемо должен был стать священнейшим героем народа, вернейшим исполнителем завета Божия.

Долина Вади-халил кончается и местность делается еще гористее, но уже гораздо открытее. С высоты одного крутого подъема мы вдруг неожиданно увидели голубую, нежную, как сон, равнину моря. Как чудная, миниатюрная акварель, вырезывались на его фоне белые домики Яффы. Ближе виднелась Рамле со своими садами пальм. Вся долина Саронская была видна нам с птичьего полета. Но уже теперь видна не одна долина, а и весь рельеф горных высот. Города и замки, запечатленные именами глубокой древности, торчат на неприступных вершинах, владывающих над окрестностью. Это старый Сорис, Кастель, Соба, Кариат, Эль-Энаб, но всех дальше и всех выше поднимается отовсюду видный Неби-Самуил.

Сорис – это, конечно, древний Сора или Цора Библии, родина Самсона.

Сора находилась на рубеже Филистимской земли, и несомненно, что филистимляне легко смешивались в этих местностях с иудеями. Очень может быть, что и богатырь Самсон был от крови какого-нибудь исполина, из племени сынов Енаковых, хотя ему еще при рождении предсказано: «От самого чрева младенец сей будет Назорей Божий и он начнет спасать Израиля от руки Филистимлян». Недаром так по вкусу ему приходились необрезанные филистимлянки, и недаром он всю жизнь свою странствовал по их городам и селам, то в Фимнафе, где взял жену у филистимлянина, то в Аскалоне, то в Газе у блудницы, то в долине Сорек у Далилы. Словом, жил и умер среди филистимлян.

На вершине перевала громадная куча белых камней у края дороги носит название «Моктал-Али-Мехсин» – «Убийство Али Мехсина»!

Это одно из самых пригодных, самых внушительных названий для этой разбойничьей местности. Отсюда дорога круто сбегает теперь в узкую, заросшую деревьями долинку и тянется под грозными домами-замками Кариет-эль-Энаба, библейского Кариаф-Иарима. У Кариаф-Иарима (горы лесов), который еще раньше назывался Кариаф-Ваал (гора Ваала), или просто Ваал, сходились пределы Иуды и Вениамина, и почти тут же был рубеж Филистимской земли. Это положение делало неприступное ущелье Ваала очень важным пунктом древности.

Когда ковчег Завета, отнятый у недостойных сынов Илия, переходил из одного филистимского города в другой, из Азота в Геф, из Гефа в Аскалон, поражая везде язычников смертью и болезнями, то филистимляне запрягли наконец двух чистых тельцов в колесницу ковчега и пустили их по воле.

Тельцы привезли ковчег в пограничный иудейский город Вефсамису. Но тут 50 000 народа были поражены смертью, за то, что дерзнули заглянуть в святыню. Тогда послали в соседний Кариаф-Иарим с просьбою взять от них ковчег.

«Пришли жители Кариаф-Иарима и взяли Ковчег Господа и принесли его в дом Аминодава на холм». Там 20 лет пребывала эта Святыня Израиля.

Теперь это местечко зовется попросту Абу-Гош, в память того смелого разбойника-шейха, который охранял некогда паломничество Шатобриана, останавливал нашего Муравьева и который долго гнезился в этих неприступных землях, наводя ужас на окрестности со своими шестью братьями и чуть не целую сотню детей их, как истинный наследник древних патриархов Иудеи. Абу-Гош очень живописен и очень характерен. Он так и просится под карандаш художника. Внизу его скал, близко от дороги, прекрасно сохранившиеся развалины обширного готического храма времен Крестовых походов, на стенах которого еще уцелели остатки фресок и мозаик – это старая церковь пророка Иеремии, принадлежащая теперь французскому правительству. Ниже ее в чаще деревьев и ключ грозного пророка. Во время Шатобриана вся долина эта и самая деревня носили имя Иеремии, который, по преданию, родился здесь. В этой узкой теснине арабы собирали тогда и пошлины с путников.

Насколько вероятно предание об Иеремии, судить, конечно, трудно. Быть может, деревня Аната, лежащая недалеко от Иерусалима, несколько правее дороги в Рим, более соответствует имени древнего города Анафофа или Анатота, в котором родился и жил пророк Иеремия. Но я держусь того мнения, что народная молва, пережившая столетия, все-таки самый надежный источник из сомнительных источников древней истории. Безотрадные голые горы, которые начинаются сейчас же за Абу-Гошем, во всяком случае как нельзя более подходят под отчаянные звуки «плача Иеремиина».

Как этот каменный хаос гор, выжженных южным солнцем, плач библейского исполина дышит палящим зноем внутреннего пламени, которое сжигало его великую душу, возмущенную сквернами мира, и населяло ее будто горячечными грезами – грозными видениями будущего.

«Утроба моя, утроба моя! Скорблю в глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое, не могу молчать! – вопит, словно не своею волею, страдалец пророк. – Смотрю на землю, и вот она разорена и пуста, на небеса – и нет на них света. Походите по улицам Иерусалима и посмотрите, и разведайте, и поищите на площадях его, не найдете ли человека, нет ли соблюдающего правду, ищущего истины?

Изумительное и ужасное совершается на сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их.

О, кто даст голове моей воду и глазам моим источник слез! Я плакал бы день и ночь. В века грубой древности совесть целого народа воплощалась в немногих великих избранниках и делала их вдохновенный голос властным голосом Бога, разоблачающего грехи мира и грозящего ему своими карами.

Я сказал: о Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод. И простер Господь руку свою и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот Я вложил слова мои в уста твои, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом, и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей». Так объяснил себе неодолимое роковое рвение своей, скорбевшей за человека, страстной души сам пророк, и так смотрели на грозное призвание пророка с трепетом внимавшие ему люди века...»

Абу-Гош вообще полон интересных развалин древности. Это, несомненно, был пункт большой важности не только в века еврейской, но и средневековой истории.

Мы отдохнули немного около развалин храма и поспешили дальше.

Горы становились все безлеснее и пустынее, все чаще и многочисленнее появлялись на пирамидальных макушках гор развалившиеся стены и башни древних городов Иудеи. Вот наконец и последняя долина перед голым, каменным хребтом, заграждающим от нас Иеруса-

лим. Резкими и опасными зигзагами скатывались мы во весь дух в живописную долину Терebinтов. Над нами видно большое селение Колония – Эммаус Евангелия, а вдали, на плоской террасе гор, белые корпуса греческих и католических богоугодных учреждений в монастыре Святого Креста.

Эта долина – место боя Давида с Голиафом, по преданию туземцев. Его показывают очень уверенно и с математической точностью у тенистого ручья, завалившего свои зеленые берега кучами круглых камней. Замок Голиафа тоже, конечно, показывается на одной из соседних высот. По Библии войско Саулово действительно «расположилось станом в долине дуба».

«И стали филистимляне на горе с одной стороны и израильтяне на горе с другой стороны, а между ними была долина», – повествует Книга Царств.

Хотя, по разделу Иисуса Навина, место это вошло в пределы Вениаминова жребия, но соседние филистимляне долго еще не признавали над собою власти Израиля и хозяйничали здесь так же свободно, как и в коренных своих городах. Читая Библию, удивляешься, кто же собственно господствовал из них друг над другом – евреи над филистимлянами или филистимляне над евреями.

«Не осталось ни одного из Анакимов в земле сынов Израиля, а остались только в Газе, Гефе и Азоте», – весьма точно сообщает книга Иисуса Навина о подавлении филистимлян, а в другом месте говорит еще определительнее: «От пределов Сихара, что пред Египтом, до пределов Экрона (т. е. потока Экронского) к северу считаются ханаанскими пять владельцев филистимских: Газский, Азотский, Аскалонский, Гефский, Экронский и Аввийский».

Но между тем филистимляне из этого своего приморского угла многие десятилетия сряду распоряжаются во всей земле Иудейской, держат «на холмах», то есть в укрепленных высоких местах, «охранные отряды», берут дань и вообще наводят неописанный ужас на иудеев. Это и понятно, если вспомнить, что евреи Иисуса Навина были простые кочевники-пастухи, не знавшие ни колесниц, ни конного боя, ни каких-либо настоящих боевых оружий. А филистимляне были те же финикийские народы приморской торговли и сравнительно высокой цивилизации.

Их Дагон, бог морской торговли, изображался чрезвычайно искусно и имел много роскошных божниц. Около Яффы мы проехали недалеко от селения Бент-Дежан, которое несомненно есть библейское Вео-Дагон, упоминаемое в книге Иисуса Навина, в котором было одно из главных капищ Дагона.

Евреи застали у них высокоразвитое земледелие и садоводство. Одну кисть винограда, которую принесли в пустыню первые соглядатаи Земли обетованной, – с трудом несли на палке два сильных мужа, и виноград этот был принесен из долины Эсхол, т. е. от хевронских филистимлян, исполинских сынов Енака. Тогда же принесли оттуда гранатовые яблоки.

Самсон сжигает своими лисицами всю пшеничную жатву филистимскую, и копны и нежатый хлеб, и виноградные сады, и масличные.

«Замок Давида» и крепость Иерусалима. Дорога со стороны Яффы

В то же время филистимляне были искусные ремесленники; хотя колену Иуды достались по разделу все города филистимские, но, очевидно, он не мог в действительности отобрать их силу от сынов Енака.

«Господь был с Иудою, и он овладел горою, но жителей долины не мог прогнать, потому что у них были железные колесницы».

Когда филистимляне выступили против Саула в Михмас, то у них было «30 000 колесниц и 6000 конницы, и народа множество, как песок на берегу моря». Это давало филистимлянам громадное преимущество над почти безоружными евреями, не имевшими искусных ремесленников; кузнецов не было во всей земле Израильской, ибо филистимляне опасались, чтобы «евреи не сделали меча или копья», говорится в Книге Царств.

«И должны были ходить все израильтяне к филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки». Доходило до того, что во время первых битв Саула во всем войске израильском «не оказалось ни меча, ни копья, а только нашлись они у Саула и Ионафана, сына его».

Понятно, какой ужас наводили при этих условиях филистимляне на народ Божий; понятно, почему при их приближении Саул с Ионафаном и со своим безоружным народом «засели в Гиве Вениаминовой и плакали». Голиаф из Гефа, истинный потомок исполинских сынов Енака, когда-то так напугавших евреев, «ростом шести локтей и пяди», выступил на единоборство в медном шлеме, в чешуйчатой броне, в медных наколенниках и с медным щитом, то есть в полном вооружении современных ему цивилизованных народов. А чтобы вооружить хоть как-нибудь его иудейского соперника, пастушонка Давида, самому царю Саулу пришлось снимать с себя одежды, брони и шлем и отдавать свой меч, которые, впрочем, как известно, оказались не по руке вольному сыну пустыни. Вот отчего Давиду и пришлось биться с филистимским великаном ничем другим, как камнями и палкой.

«И взял посох свой в руку свою, и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним».

В этой стране камней каждый пастушонок становился поневоле ловким метателем пращи, и камень был самым естественным орудием битвы, точно так же, как орудием казни; он сам, так сказать, лез под руку разгневанному человеку. Оттого не только Давид убивает камнем филистимского великана, но и народ в Иерусалиме постоянно побивает камнями своих преступников.

Над оживленной зеленою долиною стоит на самой дороге хорошенький домик, окруженный тенистыми маслинами, где угнездилось целое промышленное хозяйство предприимчивого сирийца. На вывеске русскими буквами подписано «Гостиница» и даже нарисован тульский самовар. Это лучше всего указывает, на кого рассчитывает свои барыши хозяин евангельского Эммауса. Необходимо было сделать здесь обеденный привал и покормить лошадей, прежде чем предпринять томительное караванье на самую высь гор Иудейских.

Нельзя было в этом отношении лучше выбрать места для расстановки торговых силков на проезжего и прохожего. Жар уже был нестерпим и давно мучил нас. Полутемная, оттененная со всех сторон и снабженная широкими диванами зала была как нельзя более кстати в этот полуденный час. Она оказалась, вместе с тем, магазином всяких нужных и ненужных вещей и буфетом питий и снедей; посередине стоял даже бильярд с лузами, и эта обстановка ярмарочная трактира на самом пороге Святого города, на том именно месте, где, быть может, Христос благословлял хлеб за скромной трапезой Луки и Клеопы, признаюсь, показалась нам не только неуместной, но даже оскорбительной. Мы подремали немного на диванах, подкрепив себя кое-чем, и, когда лошади съели свой ячмень, тронулись в гору. Чистое горе этот подъем в нагруженном экипаже по страшным кручам на скверных лошадях и по неизобразимой дороге. Мы карабкались к райским обителям Иерусалима воистину тернистым путем, воистину пылали самую горячею жаждою узреть наконец священные твердыни града Давидова.

Но где же эта пресловутая «Поклонная гора», откуда паломники всех веков приветствовали радостными слезами первые вершины иерусалимских башен, откуда коленопреклоненный Петр Пустынник указывал своей старческой торжествующей рукою стены Святого города умиленным дружинам крестоносцев?..

Ее вовсе нет, как нет более никакого вида на Иерусалим со стороны Яффы.

Новая, европейская часть Иерусалима с ее громадными прозаическими корпусами недостроенных приютов, богаделен, училищ, гостиниц и больниц, с ее кучами тесаных камней и бревен, начинается задолго до настоящего древнего города Мельхиседека едва не рядом с последнею сторожевою башнею, охраняющею от разбойников пустынную дорогу, и совсем загораживает этим досадным первым планом романтический вид древних иерусалимских стен.

IV. У Святого Гроба

На своем дворе. – Немец-драгоман. – Архимандрит Антонин. – Улицы Иерусалима. – Площадка храма Господня. – Тюремичики Святого Гроба. – Камень миропомазания. – Главная ротонда. – Часовня Ангела. – Вертеп Св. Гроба. – Собор Воскресения. – Алтари всех языков земли. – Голгофа. – Храм Св. Елены. – Место обретения Животворящего Креста. – Истинно христианский характер храма Господня.

«Русские постройки» – это целая русская колония, возникшая в течение немногих последних лет перед стенами Иерусалима. Она захватила довольно много простора для своих больших каменных корпусов, для своего пятиглавого собора, для своих садов, огородов и дворов... Она обнесена стенами и запирается воротами, так что может в известных случаях обратиться в осадный двор. Тут и наше генеральное консульство со своими канцеляриями и драгоманами, и русская духовная миссия, и русский госпиталь. Громадные постройки направо для простых богомольцев, такая же постройка налево, за больницу, «для господ».

Тут у нас, как в Японии, два хозяина: один светский – консул, другой – духовный, архимандрит Антонин, начальник миссии.

Архимандрит Антонин

Не могу выразить того отрадного чувства, с которым я въезжал в «свой» русский двор к своим землякам, к родной силушке народной. Тут все глядит по-русски, говорит по-русски. Мужички и бабы в знакомых курских или костромских нарядах, сидящие в тени от солнышка, знакомые бакенбарды николаевского шеврониста-солдата, знакомый самоварчик, раздуваемый в углу.

Из «господских нумеров» выбежала какая-то бойкая фигурка и ломаным русским языком пригласила нас наверх, уверяя, что для нас давно приготовлен номер, так как яффский консул дал знать здешнему о нашем приезде...

Не знаю, насколько было правды в этом сообщении, но только не успели мы дойти до отведенного нам помещения, как услужливая фигурка рекомендовалась нам местным чичероне, будто бы отлично известным всему православному миру, и выразила твердую надежду, что столь просвещенные господа, как мы, не захотят пригласить в проводники никого другого, кроме него, Якова Кристи, общего друга русских, великого знатока всех языков – арабского, русского, немецкого, и опытного в палестинских древностях... По его словам, которым мы поверили слишком поспешно, консул наш всегда рекомендует его путешественникам, так что мы в наивности своей приняли его за привилегированного драгомана при русских постройках, так сказать, за официально установленное местное учреждение. Оказалось, что вместе с археологией достопочтенный немец соединяет и более прибыльную коммерцию, содержа около построек лавочку разных снадобий и горячительных напитков. Супруга же его служит экономкой при господских нумерах. Таким образом, мы сразу впали не только в сугубую, но и в трегубую зависимость от услужливого немчика, ибо тотчас же почувствовали нужду во всех трех сферах его влияния, и все последующее время своего пребывания в Иерусалиме, своего путешествия по Палестине, Самарии и Галилее мы уже не могли расстаться с овладевшим нами по первому же абцугу герром Кристи, нечувствительно обратившимся в нашего неразлучного путеводителя, драгомана, метрдотеля и даже маркитанта.

Пока жена приходила в себя после безбожной тряски в немецком фургоне и приводила в порядок свой туалет, я сделал визит консулу, которого не застал, и архимандриту Антонину.

Архимандрит Антонин – инок смиренного вида и, должно быть, не особенно крепкого здоровья. Он кажется уставшим и говорит очень тихо. Но, в сущности, это человек большой энергии и силы воли. Ему многим обязаны и русские постройки, и другие палестинские святыни. Он неутомимо насаждает везде, где может, русское духовное влияние и, помимо греков, старается восстанавливать на русский счет исторические реликвии Св. земли. Ему приходится через это вести не стихающую потаенную борьбу со зложелательством и завистью здешнего греческого духовенства, враждебно смотрящего на эти непривычные ему самостоятельные стремления Русской церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.